

ПРОЛОГ

Яркие рябиновые грозди алели по обеим сторонам дороги, предвещая холодную снежную зиму, а вместе с ней — и суровые времена. Прежде Элмерик не на шутку встревожился бы из-за этой плохой приметы. Ещё вчера он считал себя самым невезучим бардом на свете, но вдруг его жизнь изменилась в одночасье. Ему больше не придётся искать кров, голодать или закладывать у ростовщика свою серебряную флейту. И всё благодаря счастливому случаю, который поначалу не казался таковым.

На днях дорогу размыло. Да так, что торговцам, с которыми ехал Элмерик, пришлось искать пути объезда. Заметив на горизонте очередную грозовую тучу, они решили переждать дождь в деревушке под названием Маргаритковый Лог. Её даже не было на карте, которую Элмерик некогда выиграл в кости и берёт как зеницу ока вместе с другими своими сокровищами, доставшимися ему по наследству, — арфой и серебряной флейтой. Оставалось лишь скрипеть зубами, досадуя из-за задержки. Ведь в таком богами забытом месте много не заработаешь. У них небось и кабака-то нет?

Кабак в деревне был, но, к огромному разочарованию Элмерика, оказался закрыт. Вывеску украшала

пивная кружка — просто, без изысков, без названия. Впрочем, зачем писать, если клиенты не умеют читать?

Перед грозой улицы обезлюдели. Стучаться в чужие дома Элмерик не решился, поэтому спрятался под соломенным навесом. Он пристроил арфу в самое сухое место и, поёжившись, поднял воротник потёртой замшевой куртки.

Стена пестрела многочисленными объявлениями — как свежими, так и совсем истёртыми. Надписи сопровождались картинками: на листке, сообщающем о продаже козы, была нарисована кривенькая, но вполне узнаваемая коза, а на объявлении о скупке утиных тушек — охотник с разбойничьей рожей и дохлый селезень, пронзённый стрелой. А чуть в стороне селезней и коз — Элмерик сперва не поверил своим глазам — красовалась грамота с королевским гербом: три золотые короны на червлёном поле. Ему пришлось перечитать слова трижды, чтобы убедиться, что это не сон. Грамота гласила:

*Соколиный отряд Каллахана О'Ши ищет новобранцев
для обучения ремеслу королевского ловчего.*

Нужны юноши и девушки от пятнадцати лет, обученные грамоте и счёту, бесстрашные и отважные, желающие служить стране и своему королю.

Чародейские умения приветствуются.

Обращаться в таверну к господину Дэрреку Драккону, который будет ждать соискателей сегодня до наступления темноты.

Свиток был уже потёртым, так что Элмерик на чудо не надеялся, но всё равно заколотил кулаками в дверь. Ему никто не ответил, однако из трубы шёл дым, а значит, внутри определённо кто-то был. Отчаявшись дозваться хоть кого-нибудь, он обвязал вокруг пояса куртку и, поплевав на ладони, ловко вскарабкался по лозе дикого винограда на второй этаж. И вдруг как ливануло! Элмерик в один миг промок до нитки и чуть не оглох от ужасающего раската грома. Он уже собирался спрыгнуть вниз, как вдруг ставни распахнулись, и послышался слегка дребезжащий голос:

— Заходите, юноша.

Перевалившись через подоконник, Элмерик столкнулся нос к носу с полным пожилым господином с пышными бакенбардами. Из одежды на нём были ночная рубаша и колпак. Он что, спал? В такое время?

Элмерик был зол, как оса, и не произнёс ни единого бранного слова лишь потому, что у него зуб на зуб не попадал.

— Я это... по объявлению, — выдавил он.

— Да-да, я так и понял. Простите великодушно, задремал. Вам ещё повезло, что меня разбудил гром. Я — Дэррек Драккон. — Вместо рукопожатия толстяк протянул Элмерика флягу. — Выпейте. Это поможет не разболеться. Не стесняйтесь, почувствуйте себя как дома. Возьмите плед, если надо. Подождите, я переоденусь.

Пока он копошился за ширмой, Элмерик передвинул кресло с потёртой обшивкой поближе к печи и накрыл ноги шерстяным клетчатым пледом, какие часто

носили выходцы из Холмогорья. Элмерик и сам был оттуда родом, поэтому мог с уверенностью сказать, что узор на плече господина Дэррека не принадлежит ни одному из кланов. Попросту говоря, это была подделка. Ну и пусть. Главное, что тёплая. Пойло из фляги обожгло горло, и Элмерик закашлялся. Обычно он не пил ничего крепче эля. В последнее время довольно паршивого...

Ожидание затягивалось, и ему оставалось лишь вертеть головой от скуки. И как только господин Драккон не побрезговал остановиться в такой дыре? Бревенчатые стены были сплошь изъедены древоточцами. Кровать наверняка служила домом для целого полчища клопов, а всю мебель покрывал толстый слой пыли. Ковёр на полу протёрли до дыр прошлые постояльцы — сложно было угадать его изначальный цвет.

— Известно ли вам, юноша, чем занимаются королевские ловчие? Слышали ли вы вообще о Соколином отряде Каллахана О'Ши? — раздалось над ухом, и Элмерик подпрыгнул от неожиданности. Умеет же этот дед подкрадываться!

— Да кто же о них не слышал!

— Понимаю, вопрос довольно странный, но установленный порядок требует начинать нашу беседу именно с него. — Господин Драккон сел и надел очки в тонкой оправе. — Юноша, у вас с волос течёт. Почему вы не взяли полотенце?

— А можно?

— Я же сказал: чувствуйте себя как дома.

Элмерик подумал, что меньше всего на свете хотел бы, чтобы его дом был похож на эту убогую комнатёнку, но вслух ничего не сказал и принялся яростно вытираться. Его кудри ещё больше завились от дождя и теперь неприятно липли к шее.

Господин Драккон подождал, пока гость отложит полотенце и задал второй, не менее глупый вопрос:

— И чем же по-вашему занимаются Соколы?

— Защищают Его Величество и всех жителей королевства от козней эльфийского народа. Они настоящие герои. Я с детства мечтал стать одним из них.

Драккон встал, одёрнув колет из серого сукна тот был явно маловат и некрасиво обтягивал живот, одна из серебряных пуговиц болталась на ниточке. Шаркающей походкой он добрался до лежавшей в изголовье кровати дорожной сумки, достал оттуда несколько листов бумаги отменного качества, дорожную чернильницу и перо, после чего вернулся на место.

— Сколько вам лет, юноша?

— Шестнадцать. — Элмерик улыбнулся. В кои-то веки ему не пришлось врать и накидывать пару-тройку лет, как бывало для участия в музыкальных состязаниях. — А можно я тоже вас спрошу? Как вы связаны с Соколами? Вы их писарь или что-то вроде того? А самого Каллахана вы видели? Говорят, он эльф. Это правда?

— Всё это не имеет отношения к нашей беседе. По крайней мере, пока. — Господин Драккон нахмурился, и Элмерик решил не настаивать, чтобы не злить старика, от которого зависело его будущее.

Долгие странствия научили Элмерика неплохо разбираться в людях. Нередко он мог с первого взгляда многое сказать о человеке. Но только не о Дэрреке Дракконе. Это имя, звучащее, как раскат грома среди ясного неба, совершенно не подходило полноватому лысеющему чудаку. Сложно было понять, из каких земель тот родом, хотя Элмерик знал все наречия и говоры Объединённых Королевств. Чернильные пятна на пухлых пальцах намекали, что господину Драккону приходится часто писать, но... Нет, пожалуй, он всё-таки не писарь. Те обычно не носят на правой руке крупных перстней. Особенно таких — с соколиным профилем из белого металла и с дорогим рубином в глазу. Быть может, Драккон целитель или алхимик? Элмерик принюхался: от собеседника и впрямь смутно пахло то ли травами, то ли какими-то порошками.

— Были ли у вас в роду эльфы Благого или Неблагого двора, а может, младшие фейри? Или же вы человек без примеси волшебной крови? Сами понимаете: ваши волосы заставляют заподозрить дальнейшее родство...

Грозный взгляд поверх очков удавался толстяку не очень, но Элмерик всё равно насторожился. Вопросы про эльфов никогда не задавали просто так. Как и в случае с возрастом, он решил не врать — слишком сложно было угадать правильный ответ, не зная настоящих ожиданий.

— Я из Холмогорья. У нас там каждый второй рыжий.

— Отвечайте на вопрос прямо, юноша, не увиливайте.

— Насколько мне известно, в нашем роду эльфов не было, — Элмерик не без сожаления вздохнул. — Зато рыжих да кудрявых — хоть отбавляй. С тех пор как мой прадед женился на дочке самого Вилберри-скрипача и перешёл в её клан.

— Кхм-кхм... — Господин Драккон сделал очередную пометку на листке. — А ваши глаза — это тоже наследственное? Или результат колдовства? Вы хорошо видите?

— Да нормально я вижу, — буркнул Элмерик. — Никакого колдовства, я таким родился.

Левый глаз Элмерика был зелёным, как у матери, а вот правый — тёмно-карим. Он не стал рассказывать Драккону, сколько неприятностей доставляла ему эта приметная черта. В детстве сверстники обзывали его эльфийским подменышем, постоянно таскали за уши, пугали, что кончики могут заостриться с возрастом. Родители ахали и тайком водили сына к всевозможным чародеям — не только к адептам разрешённого колдовства, но и к тем, кто владел дикой магией. Однако никто так и не понял причину странного недуга. Да и недуга ли? У него ведь ничего не болело.

Драккон ещё что-то записал, но, когда Элмерик попытался прочитать его ровный убористый почерк, поспешно прикрыл листок рукой.

— Скажите: как у вас с силой и выносливостью? Нет ли каких болезней? Спите хорошо? А зубы в порядке? Были ли у вас отношения с кем-то? Я имею в виду... кхм... плотские.

Элмерик вспыхнул и вскочил, едва не поскользнувшись в луже, что натекла с его одежды. Плед всколыхнулся на его плече, словно плащ какого-нибудь древнего героя.

— Эй, это не ваше дело! Вы даже не спросили, как меня зовут и чем я занимаюсь! Мы всё ещё говорим о Соколах? Или, может, вы набираете работников в заведения иного рода?

— Все вопросы чародея имеют смысл, — Драккон даже не поморщился в ответ на дерзкие слова. — Вернитесь на место, юноша. Мне незачем спрашивать о том, что и так видно. Вы из семьи Лаверн, раз говорите, что в родстве с легендарным Вилберри. У вас на поясе флейта. А внизу под навесом вы оставили чехол с арфой. Очевидно, вы музыкант. Если покопаться в памяти, я даже смогу припомнить имя блудного сына, которого безутешный Энгус Лаверн пять лет разыскивает по всем Объединённым Королевствам. Элмерик, верно ведь? А теперь скажите мне, Элмерик Лаверн: занимались ли вы сами или кто-нибудь из ваших родственников запретной магией?

От этих слов Элмерик немного успокоился, но в кресло тоже не вернулся, решив пока постоять. Мало ли.

— Вы не ошиблись: я из тех самых Лавернов, — не без гордости произнёс он. — У нас в роду было много чаропевцев. Но дикой магией мы никогда не занимались.

Господин Драккон недоверчиво хмыкнул, но спорить не стал. Лишь уточнил, прищурившись:

— А вот вы, юноша, кто? Чаропевец, бард или простой менестрель? Как думаете?

Эмерик вздохнул, потирая веснушчатый нос. Искусшение приукрасить действительность было велико, однако, уже в третий раз за разговор, он принял решение сказать чистую правду:

— Я ушёл из дома в одиннадцать лет. Чаропению же у нас в семье обычно обучают с двенадцати. Разумеется, я видел, как колдовали отец и дед. Что-то сам пробовал ещё в детстве, и у меня даже выходило. Они не успели передать мне все свои знания, но азы я знаю. Называть меня менестрелем совсем не верно, и это даже обидно. Мой ранг выше: я — бард, имеющий разрешение от гильдии бродячих актёров и музыкантов на использование простейших мелодических чар. Могу, если надо, показать бумагу с подписью мастера Оллисдэйра.

Больше всего он боялся, что господин Драккон начнёт расспрашивать о причинах побега из дома, и уже заготовил довольно резкий ответ, но толстяк только кивнул и опять углубился в записи.

Эмерик прошёлся по комнате. Постоял у камина. Сел на подлокотник. И, наконец, решив, что ему ничего не угрожает, вернулся в кресло. Завернувшись в плед, он отхлебнул ещё глоток из фляжки. Тепло постепенно распространялось по его телу. Пламя в печи весело гудело, от штанов поднимался едва заметный пар.

Господин Драккон отложил перо и с сожалением поскрёб ногтем свежее чернильное пятно, расплывшееся по манжете рубашки.

— Последний вопрос: есть ли у вас родные братья или сёстры? Лучше, конечно, близнецы.

— Увы, нет. Была старшая сестра, но, говорят, она умерла от лёгочной горячки ещё до моего рождения.

— Жаль. Впрочем, уже неважно. — Господин Драккон наклонился к нему через стол и придвинул бумаги, исписанные мелким красивым почерком. — Прочитай-те это, друг мой. И подпишите, если со всем согласны.

Элмерик взгляделся в убористые строки. Договор гласил, что новобранец Элмерик Лаверн по собственной воле и безо всякого принуждения вступает в отряд Каллахана О’Ши, где будет обучаться чародейскому ремеслу с Лугнасада по Самайн сего года, после чего ему назначат Испытание. По итогу одного Испытания его зачислят в ряды Королевских Соколов или откажут в этой чести. Новобранец предупреждён, что во время обучения его жизнь будет подвергаться опасности: он может подорвать здоровье, лишиться рассудка и даже умереть. Если подобное случится, он не будет иметь жалоб: ни прижизненных, ни посмертных. Новобранец обещает слушаться учителей, которых ему назначат, выполнять их приказы и задания, не лгать им. К учёбе обещает относиться с надлежащим рвением, не задирать товарищей, не увлекаться веселящими напитками сверх меры, не нарушать распорядок дня и соблюдать осторожность при работе с опасными чарами. Свои действия и чаяния новобранец должен посвятить интересам Объединённых Королевств и Его Величества верховного короля Артура Девятого, всегда помня об эльфийской угрозе. На весь срок обучения предо-

ставляются жильё, пропитание и жалованье в размере одного серебряного в неделю, сохраняющиеся даже в случае отчисления до самого Бельтайна, ибо негоже выставлять людей на улицу, когда колесо года повернулось на тёмную сторону.

Последнему пункту Элмерик обрадовался особенно. Выходило, что даже если он не подойдёт Соколам или, скажем, отношения с учителями не заладятся (а с ним такое уже бывало, вспомнить хотя бы мастера Брэди), можно будет просто бездельничать и всё равно иметь крышу над головой, пищу и жалованье. Один серебряный лучше, чем вечно пустые карманы. А к опасностям он привык: за пять лет скитаний всякое успел повидать. Если же бесплатный сыр по традиции окажется приманкой в мышеловке, сбежать всегда успеется.

Он взял перо и поставил размашистую подпись. Господин Драккон бережно принял листок обеими руками, подышал на него и, убедившись, что чернила высохли, убрал договор в сумку.

— Ну что же, Элмерик Лаверн, поздравляю. С этого момента ты зачислен в Соколы на испытательный срок. Твоё обучение начнётся сразу, как ты окажешься на мельнице в Чернолесье. Как можешь догадаться, она находится неподалёку от Чёрного леса, у Рябинового ручья. — Заполучив договор, господин Драккон начал говорить не в пример проще и сразу же перешёл на «ты».

— И как же мне туда попасть, господин Драккон? Этот лес... Он же огромный!

Элмерик хорошо изучил свою карту и помнил, что непроходимый и таинственный Чёрный лес находится на юго-западе Объединённых Королевств. О нём рассказывали множество страшных легенд, поговаривали даже о проклятии. И, конечно, там водились фейри. Однако ни деревни под названием Чернолесье, ни Рябинового ручья на карте не было. И уж точно там не были отмечены сельские мельницы.

— Я сам тебя отвезу. Мы отправимся в путь на рассвете. И раз уж ты теперь стал новобранцем, перестань называть меня по родовому имени. У Соколов так не принято. — Драккон приоткрыл окно. Дождь как раз закончился, и сквозь тучи осторожно выглянуло солнце. — Думаю, «мастер Дэррек» звучит вполне неплохо. А я буду звать тебя Риком. Идёт?

Вообще-то Элмерик не очень любил, когда его имя сокращали, но в этот раз почему-то не возразил. Наверное, был слишком ошарашен: его, бездомного бродягу, вдруг приняли в легендарный отряд, известный не только в Объединённых Королевствах, но и за их пределами, даже в волшебной стране эльфов!

А спустя несколько дней протестовать было уже как-то поздно.

И вот теперь он смотрел на рябиновые деревья, росшие по обеим сторонам размытой дороги, и похожие на вату облака, тронутые нежным закатным золотом. Они должны были прибыть на мельницу сегодня до наступления темноты. Кольмага тряслась на ухабах — лошади ускорили шаг, почуяв близость жилья, а северный ветер, казалось, ещё и подгонял их.

Рябину вдоль дорог в этих краях наверняка высаживали неспроста. Во все века она считалась самым мощным оберегом от лесной нечисти, болотных духов и малого народца. Не от самих эльфов, конечно, а от их слуг — младших фейри.

— Смотри! — сказал мастер Дэррек, указывая пальцем куда-то вдаль.

Они как раз выехали из перелеска. Вдалеке на холме показалась маленькая, словно игрушечная, водяная мельница. Её силуэт казался почти чёрным на фоне закатного неба, и Элмерик никак не мог разобрать, вращается ли колесо. По мере приближения крутой холм становился всё выше и выше. Вскоре он закрыл собой вид и на небольшую деревню, и на переброшенный через Рябиновый ручей деревянный мост, и даже на верхушки древесных крон в Чёрном лесу, раскинувшимся по обе стороны от долины. Элмерiku пришлось задрать голову, чтобы наконец-то убедиться: колесо крутится, мельница работает. По мере приближения он начал слышать и грохот работающих жерновов.

— Ну вот, приехали. — Мастер Дэррек лихо спрыгнул с повозки: возраст сказался на его внешности, но никак не на ловкости. — До следующего лета здесь будет твой дом.

«Нет у меня никакого дома», — хотел возразить Элмерик, но отчего-то промолчал. Возможно, впервые после побега ему отчаянно захотелось почувствовать тепло и домашний уют. А раз так, то почему бы всему этому не оказаться здесь, на мельнице близ Рябинового ручья у самого Чёрного леса...

МЕЛЬНИЦА У ЧЁРНОГО ЛЕСА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Эй ты, рыжий, твоё место у двери, понял? — глянул с вызовом худощавый черноволосый парень.

Он был примерно на полголовы ниже Элмерика, поуже в плечах и такой смуглый, будто только и делал, что целыми днями валялся на солнцепёке. Но, несмотря на низкий рост, безобидным этот тип вовсе не выглядел: сбитые костяшки на кулаках намекали, что драться он умеет и любит.

— С чего бы это?

Элмерик пока больше удивился, чем разозлился. И, конечно, надеялся решить дело миром.

— А нечего было приезжать позже остальных! — Задира с размаху уселся на кровать и закинул ноги на спинку, даже не сняв грязных сапог. — Кто опоздал, тот не выбирает.

— Не моя вина, что дороги размыло.

Элмерик пристроил арфу у входа, снял промокшую куртку, встряхнул её и повесил на гвоздь рядом с чьим-то клетчатым пледом в зелёно-жёлтых клано-